Jete – Journal of Philosophy, Religious and Cultural Studies
ISSN: 3080-1281. eISSN: 3080-6895.

ФИЛОСОФИЯ – PHILOSOPHY – ФИЛОСОФИЯ

Обзор / Review
МРНТИ / IRSTI 02.15.99

https://doi.org/10.32523/3080-1281-2025-152-3-37-52

GLOBAL DISCUSSIONS ON HERITAGE ISSUES: REFERENCES FOR KAZAKHSTAN

Kulshat MEDEUOVA[a], Anar SMAGULOVA[b]✉

[a]*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan*
[b]*Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyzstan*

✉ *Tutril59@mail.ru*

Abstract. The review is based on the analysis of articles from two major specialized journals associated with the Taylor & Francis publishing platform: International Journal of Heritage Studies and Heritage & Society, specializing in "Heritage Studies". Both academic journals with a global coverage of topics have high citation rates in scientometric databases, and differ from other journals working in the field of heritage by their verified theoretical approach. The dynamics of how, at the turn of the 20th and 21st centuries, a philosophical revision of concepts related to heritage is taking place is shown, and why this period is called the period of critical heritage research. Kazakhstani cases of objects included in the nomination of architectural monuments of history and culture of Almaty are considered, archival resources and works of Kazakhstani authors on heritage are analyzed. Heritage is interpreted as a concept with a temporal philosophical core used to actualize the past, having not only symbolic, but also ideological and epistemic weight for the current modernity. This approach also allows us to consider heritage as a multi-actor process of constant rethinking of identity.

Keywords: heritage; philosophical concept; epistemic framework; heritage and identity; UNESCO; multitemporality; architectural heritage; heritage research

For citation:
Medeuova K., Smagulova A. Global discussions on heritage issues: references for Kazakhstan // *Jete – Journal of Philosophy, Religious and Cultural Studies.* – 2025. – Vol. 152. – No. 3. – P. 37-52. https://doi.org/10.32523/3080-1281-2025-152-3-37-52.

Для цитирования:
Медеуова К., Смагулова А. Глобальные дискуссии о наследии: референсы для Казахстана // *Jete – Journal of Philosophy, Religious and Cultural Studies.* – 2025. – Vol. 152. – No. 3. – P. 37-52. https://doi.org/10.32523/3080-1281-2025-152-3-37-52.

© Kulshat MEDEUOVA, Anar SMAGULOVA, 2025

МҰРА ТУРАЛЫ ЖАҺАНДЫҚ ТАЛҚЫЛАУЛАР: ҚАЗАҚСТАНҒА АРНАЛҒАН РЕФЕРЕНСТЕР

Кульшат МЕДЕУОВА[a], Анар СМАГУЛОВА[b]

[a]Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан
[b]Қырғыз ұлттық университеті, Бішкек, Қырғызстан

ГЛОБАЛЬНЫЕ ДИСКУССИИ О НАСЛЕДИИ: РЕФЕРЕНСЫ ДЛЯ КАЗАХСТАНА

Кульшат МЕДЕУОВА[a], Анар СМАГУЛОВА[b]

[a]Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
[b]Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызстан

Аңдатпа. Ұсынылып отырған талдау Taylor & Francis баспа платформасына тиесілі International Journal of Heritage Studies және Heritage & Society журналдарында жарық көрген мақалаларды саралау негізінде жасалды. Екі журнал да мұра зерттеулері (heritage studies) тақырыбына маманданған. Жаһандық тақырыптарды қамтитын журналдар ғылыми-метрикалық дерекқорларда жоғары дәйексөз көрсеткіштеріне ие және мұра саласында жұмыс істейтін басқа басылымдардан теориялық тәсілінің жүйелілігі арқылы ерекшеленеді. XX–XXI ғасыр тоғысында мұраға қатысты ұғымдардың философиялық тұрғыдан қайта қаралу динамикасы көрсетіліп, аталған уақыт не себептен мұраны сыни зерттеу кезеңі аталғаны айқындалады.

Талдау барысында Алматы қаласының тарихы және мәдени сәулет ескерткіштері бойынша кейстер қарастырылып, мұрағат деректері мен қазақстандық авторлардың мұра тақырыбындағы еңбектері талданды. Мұра түсінігі өткенді жаңғырту үшін қолданылатын уақыттық-философиялық ұғым, сондай-ақ қазіргі заман үшін символдық өлшеммен қатар идеологиялық және эпистемалық маңызы бар құбылыс ретінде түсіндіріледі. Осындай көзқарас мұраны бірегейлікті қайта пайымдауға бағытталған көп акторлы үдеріс ретінде қарастыруға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: мұра; философиялық түсінік; эпистемикалық шеңбер; мұра және сәйкестік; ЮНЕСКО; көп уақыттылық; сәулеттік мұра; мұраны зерттеу

Аннотация. Обзор составлен на анализе статей из двух крупных специализированных журналов, связанных с издательской платформой Taylor & Francis: International Journal of Heritage Studies и Heritage & Society и специализирующихся на «Исследование наследия» (heritage studies). Оба академических журнала с глобальным охватом тем имеют высокие показатели по цитированию в наукометрических базах, отличаются от других журналов, работающих в области наследия, своим выверенным теоретическим подходом. Показана динамика того, как на рубеже XX-XXI вв. происходит философский пересмотр понятий, связанных с наследием, и почему этот период называется периодом критического исследования наследия.

Рассмотрены казахстанские кейсы объектов, входящих в номинацию «Архитектурные памятники истории и культуры Алматы», проанализированы архивные ресурсы, работы казахстанских авторов о наследии. Наследие интерпретируется как концепт с темпоральным философским ядром, используемый для актуализации прошлого, имеющий не только символический, но и идеологический и эпистемический вес для текущей современности. Этот подход также позволяет рассматривать наследие как многоакторный процесс постоянного переосмысления идентичности.

Ключевые слова: наследие; философский концепт; эпистемические рамки; наследие и идентичность; ЮНЕСКО; разнотемпоральность; архитектурное наследие; исследование наследия

Введение

В данной статье представлен обзор новых публикаций, которые касаются междисциплинарного направления «исследования наследия» (heritage studies). Обзор сфокусирован на том, как в текущей социально-гуманитарной и междисциплинарной повестке происходит концептуальный, философский пересмотр понятий, связанных с наследием. Как нам представляется, рубеж XX-XXI вв. - это период пересмотра консервативного понимания наследия в контексте предложенных ЮНЕСКО еще во второй половине XX века теоретических моделей разделения на материальное и нематериальное наследие (Конвенция, 1972). Эта теоретическая модель, описанная в Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия, была использована во множестве инвариантов в разных странах. В дальнейшем, несмотря на свой глобалистский фрейм, ученые столкнулись с тем, что формы и содержания наследия могли сильно разниться для стран, которые втягивались в орбиту методологии ЮНЕСКО в середине или же позже к концу XX века. Эта разница также прослеживается, если это касалось стран глобального севера и глобального юга. Уже буквально с конца XX века начинается серьезная теоретическая перезагрузка в понимании статуса наследия, его эпистемических возможностей.

Обзор будет составлен на материалах двух крупных специализированных журналов, связанных с издательской платформой Taylor & Francis: International «Journal of Heritage Studies» и «Heritage & Society». Оба академических журнала с глобальным охватом тем имеют высокие показатели по цитированию в наукометрических базах, отличаются от других журналов, работающих в области наследия, своим выверенным теоретическим подходом. Поскольку большинство других журналов работает с прикладными, практическими темами сохранности, селекции объектов наследия, государственной политики в области охраны памятников, постольку были выбраны журналы, где в целях редакторской политики есть заявление о теоретическом охвате проблем наследия.

Основная цель данного обзора – показать, как на уровне философской рефлексии происходит пересмотр наследия и как концепта, и как практики, академической и институциональной. Как из описательной фазы heritage studies переходит к критическому фреймированию наследия. Это заметно даже при простом перечислении ключевых терминов, представленных в описании миссий этих журналов: культурное наследие и управление культурным наследием и культурными ресурсами; сохранение исторического наследия и культурной памяти; политическое, экономическое влияние наследия на современное общество; коллективная память, возрождение культуры, общественная интерпретация, ценности и этика культурного наследия; индустриальное наследие, травматическое наследие, места совести, наследие диаспор, коренных народов; видимая и невидимая, скрытая, доминирующая и доминантная память; идентичность и разнотемпоральность. Этот список отличается от классических ключевых концептов, таких, как подлинность, значимость и ценность, которые были связаны с ранней концептуализацией наследия в первых программах ЮНЕСКО.

Как в самых ранних конвенциях ЮНЕСКО, так и во многих других аналогичных программах, в том числе и казахстанских, наследие преимущественно понималось как

прошлое, которое легитимировало настоящее, поэтому в этих методологиях доминировал объектный и универсалистский подход. Текущая ситуация развития социальных, гуманитарных наук, разрастание междисциплинарных исследований, особенно в области культурной политики, исследованиях памяти, исследованиях наследия, показывают необходимость развития критического подхода к концептуализации наследия.

Необходимость данного обзора связана также с тем, что предварительный анализ казахстанских работ в рамках проекта «Создание цифрового информационного портала (ЦИП) для концептуализации и защиты архитектурных памятников истории и культуры г.Алматы» (2025) показывает неровную именно с теоретической позиции концептуальную рамку, которую применяют казахстанские авторы, говоря о наследии. С одной стороны, есть массив текстов советского периода, который при всех особенностях идеологического контроля конгруэнтен первым документам, программам ЮНЕСКО. С другой стороны, есть работы, подготовленные в период действия государственных программ «Мәдени мұра» (2004-2011), «Сакральный Казахстан» (2017-2020), которые буквально наполнили отечественный контент новыми темами, именами, расшифровками исторических текстов, вводом новых архивных и археологических данных и самое главное в этих работах произошел переход к пониманию того, что объектный подход не позволяет увидеть полноту репрезентационных возможностей не только номадической культуры как исторически предшествующей, но и недавней культуры и истории XX века.

Проблема нам видится не в том, что казахстанское экспертное сообщество остается вне обсуждения новых тем, но в том, что оно не участвует в производстве тех концептов, которые были бы релевантны нашему отечественному контексту. В течение более тридцати лет идет процесс масштабной эпистемической перегрузки по всем направлениям социальных и гуманитарных наук Казахстана. Происходит понимание, что в текущей ситуации недостаточно быть просто пространством для подтверждения экспортных тем, теорий, концептов, как раз наступает такая ситуация, которая позволяет уже производить, актуализировать знание, которое имеет статус наследия кочевой культуры в более широкой эпистемической вариативности. Максимально глубокий и широкий философский подход может быть развит на отечественном историческом, культурологическом материале, если использовать наиболее популярный ныне теоретический фрейм о разнотемпоральной природе наследия. Этот концепт позволит уйти от привязки к объектному подходу не только теоретикам от философии культуры, но и экспертам, работающим в различных прикладных направлениях сохранения наследия, например, когда речь идет об архитектурном наследии. Ровно, как и применение других, альтернативных теоретических фреймов позволит казахстанскому экспертному сообществу шире интерпретировать природу наследия и использовать акторные, символические и функциональные возможности наследия.

Методы и подходы

В подборке специализированных высокорейтинговых журналов были отобраны самые цитируемые за последние несколько лет статьи, в которых есть активный ресурс

для развития критического подхода в области heritage studies. Анализ этих статей дает новый список концептуальных тем, имеющих перспективу для развития heritage studies в Казахстане. По материалам анализа были сделаны референсы на проблемы концептуализации наследия в Казахстане. Отдельно рассмотрены казахстанские кейсы по блоку объектов, входящих в номинацию архитектурные памятники истории и культуры Алматы. Для этого будут проанализированы архивные ресурсы, работы казахстанских авторов о наследии.

Наследие интерпретируется как концепт с темпоральным философским ядром, используемый для актуализации прошлого, имеющий не только символический, но и идеологический и эпистемический вес для текущей современности. Этот подход также позволяет рассматривать наследие как многоакторный процесс постоянного переосмысления идентичности.

Дискуссии о подлинности

Критический подход в исследованиях наследия связан, в первую очередь, с установкой, что наследие как концепт имеет междисциплинарный характер. Во-вторых, наследие чаще всего рассматривается как авторизованный концепт: как то, что связанно с текущей политикой наследия и этот авторизированный дискурс может находиться в конфликте с альтернативными, конкурирующими концептами наследия. Одно из ключевых понятий авторизованного дискурса в конвенции ЮНЕСКО - это понятие подлинности, переосмыслению которого посвящена статья «Against authenticity» (Lixinski, 2022). Автор обращает внимание на квазибиблейскую природу концепта подлинности, в результате которого дискурс о том, что настоящее культурное наследие должно быть подлинным, как если бы подлинность давала более высокую цену на рынке древностей (там же). Такое понимание подлинности он называет – пороговым, предварительным условием, без которого объект не будет рассматриваться в соответствующих комиссиях. Он считает, что понятие подлинности в связке с понятием ауры Вальтера Беньямина привело к специфическому, как он пишет, игнорированию политического контекста в этом «заигрывании» с аурой подлинности. Этот конфликт он определяет таким образом, что есть описание свойств подлинности как источника чаще всего исторического, как аргумента чаще всего эстетического для придания статуса «наследия». Остаются открытыми вопросы: была ли подлинность изначально случайной прежде, чем ее селектировали и запротоколировали историки, эксперты или археологи; какую роль выполняют люди, которые в своей повседневности продолжают воспроизводить то же самое в настоящий момент времени, но с другими материалами; как происходит потеря ауры как главного компонента подлинности, если высказываниям Беньямина о страхе перед промышленным производством произведений искусств уже почти сто лет?

Lixinski отмечает, что концепт подлинности широко укоренен не только в законодательствах, концепциях и программах управления о культурном наследии, но и в научных, академических исследованиях. В этом он видит бинарную оппозицию между материальной и концептуальной подлинностью. Устойчивость, с которой этот концепт продолжает использоваться, по его мнению, связана также с представлениями,

что подлинность понимается как истинность и как то, что имеет внутреннюю ценность, отсюда и романтическая идеализация, и символическая функциональность этого концепта. Еще одним аргументом против веры в силу концепта подлинности, по мнению автора, является опция контроля за подлинностью. Поскольку эту функцию выполняет ограниченное количество экспертов, которые, по сути, так считает Lixinski, являются бенефициарами того, чтобы концепт подлинности по-прежнему был ключевым в методологиях определения объектов наследия.

Lixinski также отмечает, что именно из-за неоднозначных коннотаций того, что можно считать наследием, сложности процедур верификации как аутентичности этот концепт больше работает на различие, особенно в контексте новой поляризации мира на глобальный север и глобальный юг. Он отмечает, что в некоторых документах, связанных с различными подразделениями ЮНЕСКО, этот термин был исключен, как, например, из «The Recommendation on the Historic Urban Landscape» (HUL Recommendation, 2011).

В других статьях этого журнала также часто встречается тема о пересмотре

концептов наследия в условиях трансформирующегося глобального мира, например, статья о судьбе украинского культурного наследия в условиях российского-украинской войны «Endangered cultural heritage in the Russia–Ukraine war: comparing and critiquing interventions by international cultural heritage organizations» (Kosciejew M.R., 2023). В этой статье поднимаются вопросы и о сохранности культурного наследия во время военных действий, но большую актуальность имеет критика и пересмотр концептуального содержания культурного наследия. Многие объекты, о которых идет речь в статье, вошли, номинировались как культурное и историческое наследие в рамках прошлого союзного государства, но в новых условиях происходит «битва» за агентность этого наследия, поэтому роль различных международных институтов, работающих с наследием в этом противостоянии, достаточно сложна (там же).

В подобной стилистике борьбы за наследие представлена статья о сравнительном анализе реставраций двух мечетей - голубой мечети в Ереване и мечети Говхар-Ага в Шуше «Heritage conservation and civilisational competition in the South Caucasus: the Blue Mosque of Yerevan and the Govhar Agha Mosque in Shusha» (Mozaffari A., Akbar A., 2024), где авторы на обширном материале первоисточников реконструируют исторический и геополитический ландшафт Южного Кавказа. Как итог вопрос о реставрации объектов наследия переходит в вопрос о сложных аспектах цивилизационной идентичности и битвы за символический капитал наследия.

Если эти две статьи представляют агонистский фланг в переосмыслении наследия, то на другом фланге большого глобального дискурса о наследии рассматриваются вопросы, связывающие наследие и повседневность, как например, в статье, где рассматривается концепция и практика «повседневного наследия» «Engaging the everyday: the concept and practice of «everyday heritage» (Ireland et al, 2025). Отличие повседневного наследия от «классического» в его пост-репрезентативном характере в том, что современные формы городского активизма на фоне возможностей цифровизации инструментов наследия дают возможность для развития негегемонных, неофициальных, вплоть до запрещенных форм наследия. Авторы обращают внимание на ту практику, когда большинство людей

соприкасаются с историей, с наследием через «узкие» места повседневности. Это могут быть определенные практики, моменты повседневных практик и не всегда эти люди думают об этих вещах как о нарративах наследия. То есть значимость и инвентаризация наследия могут находиться в несовпадающих состояниях. Даже поворот к инклюзивности не дает полного доступа к таким ресурсам наследия как семейная история, домашнее садоводство, кулинария, ремесла, особенно если это связанно с маргинализированными группами. Авторы считают, что многие концептуальные установки наследия были связаны с национализирующими государствами, отсюда такой порог инклюзивной нечувствительности к повседневным ресурсам наследия.

Наследие и сообщества

Журнал International Journal of Heritage Studies при всей своей широкой теоретической повестке имеет сквозную тему, связывающей наследие и с идентичностью, как это было представлено в спецвыпусках 2006, 2017, 2020 гг. Тогда как журнал Heritage & Society сквозным фокусом использует тему сообществ, экономики и политики. Для сравнения возьмём две статьи из этого журнала. В первой речь идет о сообществе, переживающем переход от общинной клановой идентичности к глобализированной (Swu, & Roy, 2025), а во второй рассматривается переход от уже хорошо структурированной и проработанной глобализированной версии к ее цифровой модальности (Yehia et al. 2025).

Статья «Land, Identity, and Economic Stability: Examining the Shift from Community to Private Ownership in Naga Society», в которой через динамику изменения форм собственности у племени Нага: общинной, клановой и индивидуальной, анализируется логика формирования представлений о культурной идентичности в исторической перспективе и в текущих условиях глобализации (Swu, & Roy, 2025). Вторая статья «The Power of Digital Storytelling in Preserving Saudi Cultural Heritage and Fostering National Identity» раскрывает еще один аспект разнотемпоральной динамики представлений о наследии (Yehia et al. 2025). Саудовская Аравия уже пережила, проработала те вопросы, которые поднимались в статье выше, благодаря активной политике памяти, наследия, финансированию в устойчивое развитие путем сохранения культурного наследия. И поэтому переход к новому цифровому формату наследия, например, через празднование на национальном уровне дат, когда тот или иной объект был номинирован и отобран ЮНЕСКО в списки всемирного культурного наследия, поднимает новые уровни работы между населением, экспертами и государством.

В статье описываются возможности цифрового сторителлинга для усиления значимости культурного наследия, сложности решения вопросов цифрового неравенства и того, как достигается цифровая аутентичность, а все это в целом работает на преодоление барьеров модернизации. То есть не делается акцент только на том, чтобы глобальный мир больше знал о наследии королевства, но и на том, чтобы население не теряло связи и использовало этот ресурс для поддержания своей культурной идентичности.

Другие темы, представленные в журнале Heritage & Society, также связаны с идентичностью, как, например, статья «We are what we keep: The “family archive”, identity and

public/private heritage» о семейных архивах (Woodham et al. 2017). Здесь поднимается вопрос о том, что «семейные архивы» также могут быть важными источниками о прошлом, могут иметь ценность для выстраивания общей картины памяти, когда личная или семейная память интегрирована в страновую. В этой статье рассматривается британский опыт осмысления «закулисного наследия». Этот термин коррелирован с развитием новых практик – привлечения общественности к архивированию, каталогизации и интерпретации частных коллекций, появились даже соответствующие термины – гражданский куратор, гражданский архивист.

По-новому представлена тема, связанная с архитектурным наследием в статье «Factors linking perceptions of built heritage conservation and subjective wellbeing», где предложен оригинальный концепт, связывающий уже как будто хорошо проработанный блок по архитектурному наследию с новым измерением – благополучия человека (Sektani et al. 2023). В этой статье переход от объектной интерпретации архитектурного наследия рассматривается через концепции устойчивого развития для того, чтобы расширять важность человеко-центрированной архитектуры.

Последняя статья «Nuclear cultural heritage: From energy past to heritage future» из этого обзора посвящена стремительно развивающейся теме, как никогда актуальной и для Казахстана – это тема ядерного, технологического наследия (Ross, 2024).

Автор обращает внимание на то, что для почти 500 ядерных реакторов, существующих в текущий момент в мире, для большинства из них наступает фаза перехода из эксплуатационной в демонтажную, при этом демонтаж не проектировался на исходном этапе. Почти никогда не планировалась, как местное население будет переживать и строительство, и демонтаж таких станций. Как оказалось, что концепт наследия поднимает множество новых вопросов о материальности, сообществах и местоположении ядерного наследия, в том числе его культурного измерения. Основная идея автора в том, что на раннем этапе проектирования такие масштабные объекты должны учитывать и потенциальную остановку, демонтаж, перепрофилирование и нужно закладывать не просто музеификацию или тотальный снос, но и комплекс задач, который нужно решить, вплоть до структур занятости.

Понятие атомного сообщества охватывает не только специалистов узкого профиля, экспертов ядерной науки и технологий, но и тех, кто работает на сопутствующих предприятиях. Текущая война между Россией и Украиной также поднимает вопрос о сохранности ядерной инфраструктуры, при этом по-прежнему стоит открыто вопрос о Чернобыльском наследии. В этом контексте автор рассматривает несколько конкурирующих нарративов о наследии, среди которых: прошлое - чужая страна; будущее наследия; наследие снизу; наследие сверху; авторитетный дискурс наследия. В качестве аналитической основы здесь используется схема, что пора перестать воспринимать ядерную энергетику как символ современности, а следует относится к ней как к сложному наследию. Она руководствуется Хартией международного комитета по сохранению индустриального наследия

Следует здесь отметить, что эта статья о ядерном культурном наследии - хороший повод уточнить, что критический подход в исследованиях наследия позволяет пересматривать

то, что считается наследием. Например, тема управления ядерными отходами может рассматриваться как имеющая отношение к культурному наследию, потому что это вопрос о знании, о том, как оно будет работать на будущее. Это связано с концептом «будущего наследия», которое уже не руины, а перепрофилированные материальные архивы.

Именно текущее материальное может работать против неопределенности будущего, так как главные задачи для будущего – понять неизвестное, упорядочить потенциальные страхи и потери. Автор приводит кейс с тем, как бывшие угольные шахты были перепрофилированы в объекты промышленного наследия и предполагает, что союз трех сил - ядерной науки, производства и культурного наследия - это важные сегменты общечеловеческого будущего. В русле хартии международного комитета по сохранению индустриального наследия (The International Committee for the Conservation of the Industrial Heritage – TICCIH, 2003) автор считает, что атомное наследие, ровно, как и другие остатки индустриальной культуры, могут иметь историческую, технологическую, социальную, архитектурную или научную ценность.

Референсы для Казахстана

Рассмотренные статьи, сфокусированные вокруг дискуссий о природе наследия, описывают переход heritage studies к новому этапу, где начинает доминировать критический подход. Это этап, в котором происходит пересмотр сущности наследия, отказ от объектного в пользу инвариантного, разнотемпорального подходов. Обзор только 10 статей существенно обогатил набор ключевых терминов, с которыми работают в текущей глобальной повестке.

Мы структурировали эти ключевые понятия, концепты по двум признакам – критическая пролиферация концептов наследия и акторно-функциональный подход. В итоге получаем обновленную терминологию для работы с наследием.

Первый фрейм показывает, что в глобальных дискуссиях идет процесс расширении представлений о том, что может считаться наследием, появляются не только новые концепции наследия, но и происходит их критический пересмотр. Например, культурное наследие, индустриальное наследие, атомное культурное наследие, семейное наследие, повседневное наследие, конкурирующее, скрытое, проявленное, авторитетное, инклюзивное наследие, субъективное наследие, травматическое наследие, места совести, наследие диаспор, коренных народов, видимое и невидимое наследие, скрытая, доминирующая и доминантная память; идентичность и разнотемпоральность, цифровое наследие, цифровое культурное неравенство в доступе к наследию.

Акторно-функциональный фрейм позволяет сгруппировать процессы и практики, связанные с наследием, экспертными группами через темы: управление культурным наследием и культурными ресурсами, активизм памяти и наследия, гражданские практики архивизации, профессиональное и любительское сохранение исторического наследия и культурной памяти, политическое, экономическое влияние наследия на современное общество, коллективная память, возрождение культуры, общественная интерпретация, ценности и этика культурного наследия.

Как отмечали во введении, этот список новых ключевых подходов существенно отличается от таких, как подлинность, значимость и ценность, которые были связаны с ранней концептуализацией наследия в первых программах, конвенциях ЮНЕСКО, а затем получившие распространение повсеместно по всему миру и в Казахстане, в том числе и на этапе союзной республики, и на этапе нового Независимого государства.

Новое понимание концепта подлинности поднимает несколько вопросов, важных для нашего контекста: может ли подлинность быть коллективной или же нужно оставаться на доминирующей позиции, что подлинность, как характеристика произведения искусства, должна иметь одного или какого-то конкретного автора. Примером для подтверждения этой проблемы является юрта, если мы понимаем юрту как тип жилища, как историческую достоверность только во фрейме «подлинности», как может юрта быть объектом постоянно преображаемой повседневности. Современные мастера могут изменить функциональную нагрузку на материалы, но сделать «хорошо видимыми» как бы аутентичным декор, оформление юрты. То есть в этом контексте юрту, которую производят в настоящее время, будет лучше рассматривать как концептуально подлинную. Современная юрта, конечно, будет релевантна «оригиналам», но будет также отсылать к пониманию множественности подлинности, а не только к определённому типу описания как эталонного.

Еще один важный вопрос – об отношении к архитектурному наследию советского периода, если по-прежнему, как в прошлом веке, эксперты будут пытаться рассматривать его через призму материальной подлинности, где доминируют историко-эстетические каноны, то какова может быть политика памяти и наследия в отношении гулаговской архитектуры, объектов индустриального, атомного, космического наследия.

Но на сегодняшний день авторы, работающие с каталогизацией архитектурного наследия, используют старые (метропольные) объяснительные схемы, как, например: архитектурные объекты столичного периода, помимо зданий, относящихся к «укреплению Верный», представляют собой венец советского градостроительства. Это конструктивизм 1920-х годов; сталинский неоклассицизм с 1932 года и до середины 1950-х; современная архитектура в советском варианте с конца 1950-х до конца 1980-х. Последний этап чаще всего именуют «советским модернизмом» (Мойзер, Хмельницкий, 2021).

Поэтому мы считаем, что вопрос о том, какая модальность будет использоваться для описания потенциальных объектов наследия, принципиально важна. Это важность определяется не только постоянно изменяемой политикой памяти и наследия, но и особенностями междисциплинарного стиля текущих изменений в исследованиях наследия. А с учетом критического отношения к колониальной истории, истории экстенсивного осваивания территорий и игнорирование культурных ландшафтов этот вопрос обязательно должен использовать разнотемпоральный подход.

Акторно-функциональный фрейм поднимает вопросы о том, как меняется роль музеев в качестве хранителей артефактов подлинности, если культура (в качестве коллективного автора) продолжает производить объекты, похожие на объекты наследия; что делать с неправильными атрибуциями объектов, как например, почти детективная история

про туркменские ковры, которые вошли в мировую музейную практику под ошибочной номинацией «бухарских» (Атанова С.А., 2018). Кроме того, каждое новое государство с обновлением политического, экономического и соответствующе идеологического режимов последовательно меняет политику памяти и наследия, вносит коррективы в списки объектов национального, культурного наследия.

Так, анализируя специальный кейс об объектах архитектурного наследия в Казахстане, отмечаем, что эксперты второй половины XX в, обращали внимание на важность критериев, которые так или иначе конгруэнтны концепту подлинности: возраст (подлинность через темпоральное измерение); эстетическая и художественная ценность (подлинность как цельность художественного высказывания); исторического факта (подлинность как свидетельство).

Именно руководствуясь этими критериями, во-первых, был принят Закон об охране памятников истории и культуры (Закон, 1978), во-вторых, составлен первый Свод (1979) объектов архитектурного наследия в Алматы. Этот свод был составлен по степени значимости: общесоюзные, республиканские, местного значения и историко-научной ценности. Регулярно эти своды и списки обновлялись, к моменту распада Советского Союза в этих списках, сводах общесоюзной категорией доминируют памятники и монументы: Ленина, Абая Кунанбаева, Чокана Валиханова, Алиби Джангильдина. Среди архитектурных объектов - в основном здания с повышенной идеологической нагрузкой: Дворец им.Ленина, Дом Правительства, Академия наук Казахской ССР. По понятным причинам в списках рекомендованных и утвержденных памятников львиная доля принадлежала объектам, созданным в советский период и выполнявшим важные идеологические функции, а если это мемориалы и памятники, то посвященные революционным и партийным деятелям.

Немецкий исследователь Филип Мойзер отмечает, что архитектура в азиатской части СССР «прошла через те же стадии развития, что и архитектура столичных центров советской империи, поскольку вся культурная политика СССР формировалась в Москве» (Мойзер, Хмельницкий, 2021). Тем не менее ситуация с культурным наследием в советском Казахстане была не так уж и тенденциозна. На рубеже 60-70-х годов в республике были инициированы комплексные реставрационные работы в городе Туркестан, когда была проведена реставрация мавзолея Ходжи Ахмета Яссави. Проводились археологические исследования древних курганов, относившихся к эпохе бронзы и раннего железа. Например, в период 1982-1985 гг. на территории столицы проводились исследования поселения Теренкара (X-VIII вв. до н.э.) в рамках Республиканской программы разработки историко-градостроительных опорных планов городов и населенных мест, имеющих памятники истории культуры (Туякбаева, 2008).

Локальные инициативы изучения этнокультурного слоя памятников в конце 70-х-80-х годов получили значительные результаты, повлиявшие в будущем на выработку нового подхода к отбору и охране объектов культурного наследия, например, уже в начале 2000-х в рамках Государственной программы «Мәдени мұра» («Культурное наследие», 1992). Пересмотрены новые своды памятников истории и культуры (2008; 2021), некоторые законы переходного периода (1992) утратили свою силу. Кроме того,

в системе государственной охраны памятников появляется новый сегмент охраны - надгробные памятники, которые относятся к деятелям культуры, политики и науки советского периода, как, например, надгробные памятники К. Сатпаеву, К.Байсеитовой, М.Тулебаеву и др. включены в государственный список памятников истории и культуры местного значения города Алматы (2021).

Как промежуточный итог этого концептуального процесса пересмотра сводов и списков наследия стали, например, дополнения по городу Алматы археологическими памятниками эпохи бронзы, железа и средневековья благодаря реализации программы «Культурное наследие».

В течение последних трех десятилетий в казахстанской исторической науке произошел подъем интереса к колониальному фрейму, применяемому к разным аспектам исторического, экономического, идеологического наследия. Поворот к изучению кочевой культуры заметно расширил источниковую базу в виде материальных памятников, культурный ландшафт стал объектом многих исследований. Новые имена, события и процессы одновременно повлекли за собой критическое осмысление, против мифологических реконструкций (Масанов, Ерофеева, Абылхожин, 2007).

С другой стороны, работа государственных органов по пересмотру сводов памятников привлекла внимание не только ученых и краеведов, но и сообщества активистов наследия. Получили свое развитие интернет-сообщества активистов Алматы, объединенные идеей сохранения культурного наследия, такие ресурсы, как «Старинарий» (www.starinariy.kz), Vernoye-Almaty.kz (www.vernoye-almaty.kz/, ARCHCODE, сайт, посвященный сохранению архитектурной идентичности города Алматы и др.

Но в целом в отечественном экспертном поле пока доминирует позиция, что статус некоторых советских монументов, посвященных памяти борцов за революцию и партийных деятелей - это, по сути, наследие, демонстрирующее достижения казахстанских скульпторов и архитекторов в советский период. Как, например, когда аллея, посвященная советским деятелям: Жангельдину, Фурманову, Розыбакиеву, Сейфуллину, Иманову, Рыскулову, Жандосову, Фрунзе, Масанчи и др., трансформировалась в аллею выдающихся деятелей.

Заключение

Отметим, что пересмотр концептуального содержания понятия наследия в привязке к политической и культурной истории может существенно обогатить теоретические подходы для казахстанских экспертов, работающих в области исследования наследия. Расширение исследовательских подходов дает понимание коридора возможных интерпретаций, понимание, что у наследия в самом философском значении разнотемпоральная природа и всегда будут происходить процессы легитимации, валидизации и ревитализации разноуровневых оснований для определения объектов наследия. Текущий цифровой этап для пересборки, архивизации наследия также важен, как был важен период в семидесятые годы, когда сформировались первые концепты наследия для Казахстана и период девяностых и нулевых, когда эти концепты не только

существенно были пересмотрены, но дополнились новыми данными, новыми аспектами описания.

Финансирование

Исследование проводилось в рамках грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан AP26105029 «Создание цифрового информационного портала (ЦИП) для концептуализации и защиты архитектурных памятников истории и культуры г. Алматы»

Медеуова К.А. – написание текста статьи, аннотации, редактирование текста

Смагулова А. – написание текста статьи, техническое оформление

Конфликт интересов

Авторы подтверждают отсутствии конфликта интересов

Литература

Heritage and Identity. International Journal of Heritage Studies, Volume 12, Issue 1 (2006).

Ireland, T., Brown, S., Bagnall, K., Lydon, J., Sherratt, T., & Veale, S. (2025). Engaging the everyday: the concept and practice of 'everyday heritage'. International Journal of Heritage Studies, 31(2), 192-215.

Kosciejew, M. R. (2023). Endangered cultural heritage in the Russia–Ukraine war: comparing and critiquing interventions by international cultural heritage organizations. International Journal of Heritage Studies, 29(11), 1158-1177.

Lixinski, L. (2022). Against authenticity. International Journal of Heritage Studies, 28(11-12), 1213-1227.

Mozaffari, A., & Akbar, A. (2024). Heritage conservation and civilisational competition in the South Caucasus: the Blue Mosque of Yerevan and the Govhar Agha Mosque in Shusha. International Journal of Heritage Studies, 30(12), 1393-1422.

Nostalgia and Heritage: Potentials, Mobilisations and Effects. International Journal of Heritage Studies, Volume 23, Issue 7 (2017).

(in)significance: values and valuing in heritage. International Journal of Heritage Studies, Volume 26, Issue 9 (2020).

Sektani, H. H. J., Khayat, M., Mohammadi, M., & Roders, A. P. (2023). Factors linking perceptions of built heritage conservation and subjective wellbeing. Heritage & Society, 16(1), 52-67.

Swu, N., & Roy, S. (2025). Land, Identity, and Economic Stability: Examining the Shift from Community to Private Ownership in Naga Society. Heritage & Society, 1-22.

Ross, L. M. (2024). Nuclear cultural heritage: From energy past to heritage future. Heritage & Society, 17(2), 296-315.

Woodham, A., King, L., Gloyn, L., Crewe, V., & Blair, F. (2017). We are what we keep: The "family archive", identity and public/private heritage. Heritage & Society, 10(3), 203-220.

Yehia, E. F., & Ali Amer Alkhashil, M. (2025). The Power of Digital Storytelling in Preserving Saudi Cultural Heritage and Fostering National Identity. Heritage & Society, 1-29.

Атанова С.А. (2018). Репрезентация национального образа: туркменский ковер и национальная самоидентификация. Ислам в современном мире. 14(1):199-208. https://doi.org/10.22311/2074-1529-2018-14-1-199-208

Закон Казахской ССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» от 11 августа 1978 года. / https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z780004000. Дата обращения 18 августа 2025 г.

Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. (2007). Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы: Дайк-Пресс, 296 с.

Мойзер Ф., Хмельницкий Д. (2021). Три эпохи советской архитектуры в Центральной Азии // Вестник МИЦАИ. Вып. 31. С.106.

Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры республиканского значения. Постановление Правительства Республики Казахстан от 21 марта 2008 года N 279. Утратило силу постановлением Правительства Республики Казахстан от 10 июня 2015 года № 426 / https://adilet.zan.kz/rus/docs/P080000279_. Дата обращения 18 августа 2025 г.

Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения города Алматы. Постановление акимата города Алматы от 17 марта 2021 года № 1/191 / https://adilet.zan.kz/rus/docs/V21R0001693. Дата обращения 18 августа 2025 г.

Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия. Закон Республики Казахстан от 2 июля 1992 года № 1488-XII. Утратил силу Законом Республики Казахстан от 26 декабря 2019 года № 288-VI / https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z920002900. Дата обращения 18 августа 2025 г.

Решение № 139 исполнительного комитета Алма-Атинского городского совета народных депутатов от 04 апреля 1979 года. (Копия документа предоставлена Управлением культуры г.Алматы).

Сайт, посвященный истории и жителям города Верный - www.starinariy.kz.

Сайт краеведа, почётного гражданина г.Алматы В.Н. Проскурина - www.vernoye-almaty.kz.

Сайт, посвященный сохранению архитектурной идентичности города Алматы - www.archcode.kz.

Туякбаева Б.Т. (2008). Алматы: древний, средневековой, колониальный, советский этапы урбанизации. – Алматы: Изд. «World Discovery», – С.7.

References

Heritage and Identity. International Journal of Heritage Studies, Volume 12, Issue 1 (2006). [in English]

Ireland, T., Brown, S., Bagnall, K., Lydon, J., Sherratt, T., & Veale, S. (2025). Engaging the everyday: the concept and practice of ‘everyday heritage’. International Journal of Heritage Studies, 31(2), 192-215. [in English]

Kosciejew, M. R. (2023). Endangered cultural heritage in the Russia–Ukraine war: comparing and critiquing interventions by international cultural heritage organizations. International Journal of Heritage Studies, 29(11), 1158-1177. [in English]

Lixinski, L. (2022). Against authenticity. International Journal of Heritage Studies, 28(11-12), 1213-1227. [in English]

Mozaffari, A., & Akbar, A. (2024). Heritage conservation and civilisational competition in the South Caucasus: the Blue Mosque of Yerevan and the Govhar Agha Mosque in Shusha. International Journal of Heritage Studies, 30(12), 1393-1422. [in English]

Nostalgia and Heritage: Potentials, Mobilisations and Effects. International Journal of Heritage Studies, Volume 23, Issue 7 (2017). [in English]

(in)significance: values and valuing in heritage. International Journal of Heritage Studies, Volume 26, Issue 9 (2020). [in English]

Sektani, H. H. J., Khayat, M., Mohammadi, M., & Roders, A. P. (2023). Factors linking perceptions of built heritage conservation and subjective wellbeing. Heritage & Society, 16(1), 52-67. [in English]

Swu, N., & Roy, S. (2025). Land, Identity, and Economic Stability: Examining the Shift from Community to Private Ownership in Naga Society. Heritage & Society, 1-22. [in English]

Ross, L. M. (2024). Nuclear cultural heritage: From energy past to heritage future. Heritage & Society, 17(2), 296-315. [in English]

Woodham, A., King, L., Gloyn, L., Crewe, V., & Blair, F. (2017). We are what we keep: The "family archive", identity and public/private heritage. Heritage & Society, 10(3), 203-220. [in English]

Yehia, E. F., & Ali Amer Alkhashil, M. (2025). The Power of Digital Storytelling in Preserving Saudi Cultural Heritage and Fostering National Identity. Heritage & Society, 1-29. [in English]

Atanova S.A. (2018). Reprezentatsiya natsionalnogo obraza: turkmenskii kover i natsionalnaya samoidentifikatsiya. İslam v sovremennom mire. 14(1):199-208. https://doi.org/10.22311/2074-1529-2018-14-1-199-208. [in Russian]

Zakon Kazahskoi SSR «Ob ohrane i ispolzovanii pamyatnikov istorii i kultury» ot 11 avgusta 1978 goda. / https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z780004000. Data obrasheniya 18 avgusta 2025 g.

Masanov N.E., Abylhojin J.B., Erofeeva İ.V. (2007). Nauchnoe znanie i mifotvorchestvo v sovremennoi istoriografii Kazahstana. Almaty: Daik-Press. 296 p. [in Russian]

Moizer F., Hmelnitskii D. (2021). Tri epohi sovetskoi arhitektury v Tsentralnoi Azii // Vestnik MİTSAİ. Vyp. 31. P.106. [in Russian]

Ob utverjdenii Gosudarstvennogo spiska pamyatnikov istorii i kultury respublikanskogo znacheniya. Postanovlenie Pravitelstva Respubliki Kazahstan ot 21 marta 2008 goda N 279. Utratilo silu postanovleniem Pravitelstva Respubliki Kazahstan ot 10 iyunya 2015 goda № 426 / https://adilet.zan.kz/rus/docs/P080000279_. Data obrasheniya 18 avgusta 2025 g.

Ob utverjdenii Gosudarstvennogo spiska pamyatnikov istorii i kultury mestnogo znacheniya goroda Almaty. Postanovlenie akimata goroda Almaty ot 17 marta 2021 goda № 1/191 / https://adilet.zan.kz/rus/docs/V21R0001693. Data obrasheniya 18 avgusta 2025 g.

Ob ohrane i ispolzovanii obyektov istoriko-kulturnogo naslediya. Zakon Respubliki Kazahstan ot 2 iyulya 1992 goda № 1488-XII. Utratil silu Zakonom Respubliki Kazahstan ot 26 dekabrya 2019 goda № 288-VI / https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z920002900. Data obrasheniya 18 avgusta 2025 g.

Reşenie № 139 ispolnitelnogo komiteta Alma-Atinskogo gorodskogo soveta narodnyh deputatov ot 04 aprelya 1979 goda. (Kopiya dokumenta predostavlena Upravleniem kultury g.Almaty).

Sait, posvyashennyi istorii i jitelyam goroda Vernyi - www.starinariy.kz.

Sait kraeveda, pochётnogo grajdanina g. Almaty V.N. Proskurina - www.vernoye-almaty.kz.

Sait, posvyashennyi sohraneniyu arhitekturnoi identichnosti goroda Almaty - www.archcode.kz.

Tuyakbaeva B.T. (2008). Almaty: drevnii, srednevekovoi, kolonialnyi, sovetskii etapy urbanizatsii. – Almaty: İzd. «World Discovery». - P.7. [in Russian]

Авторлар туралы мәлімет / Сведения об авторах / Information about authors:

Медеуова Кульшат – философия ғылымдарының докторы, қауымд. Проф., Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Сәтбаев к-сі, 2, 10000, Астана, Қазақстан, mkulshat@gmail.com https://orcid.org/0000-0001-8860-9678

Medeuova Kulshat – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Satbaev St., 2, 10000, Astana, Kazakhstan, mkulshat@gmail.com https://orcid.org/0000-0001-8860-9678

Медеуова Кульшат – доктор философских наук, ассоциированный профессор, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, ул. Сатпаева, 2, 10000, Астана, Казахстан, mkulshat@gmail.com https://orcid.org/0000-0001-8860-9678

Смағулова Анар – 3-курс докторанты, Ж. Баласагын атындағы Қырғыз ұлттық университеті, Фрунзе к-сі, 547, 720033, Бішкек, Қырғызстан, anarsm75@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-1630-8785

Smagulova Anar – 3rd-year PhD student, Zh. Balasagyn Kyrgyz National University, Frunze Str., 547, 720033, Bishkek, Kyrgyzstan, anarsm75@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-1630-8785

Смагулова Анар – аспирант 3 курса, Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына, ул. Фрунзе, 547, 720033, Бишкек, Кыргызстан, anarsm75@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-1630-8785

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 23.08.2025

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами / Approved by reviewers: 26.08.2025

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 29.08.2025